

ВОЗМОЖНОСТИ МЕТОДА

Цисана Шамликашвили¹

АГРЕССИЯ И НАСИЛИЕ. ВОЗМОЖНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАЦИИ ПО ИХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ

Аннотация. Проявления агрессии и насилия — одни из наиболее обсуждаемых и исследуемых в разных отраслях науки. В статье кратко суммируются взгляды на природу агрессии ведущих западных исследователей, в.т.ч. создателей общей теории агрессии К. Андерсона и Б. Бушмана. Особое внимание уделяется проблемам институционального насилия, в том числе толерантности, принудительное насаждение которой часто провоцирует агрессию. В качестве инструмента для уменьшения институционального насилия и повышения качества имплементации гуманистической культуры предлагается институционализация медиации и медиативного подхода. Их использование позволит избежать институциональных ловушек и создать единое семантическое и семиотическое поле для всех участников и заинтересованных сторон.

Ключевые слова: агрессия; институциональное насилие; толерантность; гуманистическая культура; институциональные ловушки; медиация; медиативный подход.

Tsisana Shamlikashvili

AGGRESSION AND VIOLENCE: MODERN MEDIATION POSSIBILITIES FOR THEIR PREVENTION

Abstract. Aggression and violence manifestations are discussed and explored in various scientific branches. The article briefly summarizes leading Western researchers views on the aggression nature, in particular, of general aggression theory creators K. Anderson and B.

¹ © Ц.А. Шамликашвили, 2018.

Bushman. Special attention is paid to institutional violence problems, including tolerance, the forced planting of which often provokes aggression. Institutionalization of mediation and mediative approach is suggested as a tool for reducing institutional violence and improving the quality of humanistic culture introduction. Their use will avoid institutional traps and create a single semantic and semiotic field for all the participants and stakeholders.

Keywords: aggression; institutional violence; tolerance; humanistic culture; institutional traps; mediation; mediative approach.

Вновь и вновь мы становимся свидетелями того, как детская и подростковая агрессия выливается в насилие, жертвами которого становятся как дети, так и взрослые. В связи с этим в обществе, в прессе, среди чиновников и педагогов активно обсуждаются вопросы, связанные с произошедшими событиями. Мы спрашиваем себя: что стало причиной подобных проявлений? Что необходимо сделать, чтобы не допустить подобное в будущем (или хотя бы снизить риски повторения таких трагедий)? Насколько традиционные, сформировавшиеся за многие десятилетия институты в сфере защиты прав детей сегодня в состоянии справиться с новыми вызовами? Какие усовершенствования здесь необходимы?

И, хотя злободневность всех этих вопросов бесспорна, ответить на них мы не сможем, не попытавшись ответить на вопрос об истоках и природе агрессии и насилия. Ведь агрессия и насилие — не просто отклонение в нормальном поведении человека, они являются неотъемлемой частью существования и развития человеческого общества. Агрессия и насилие связаны друг с другом, и являются одновременно и звеньями порочного круга «агрессивно-насильственных» проявлений, и возможными отправными точками конфронтации, детонаторами новых конфликтов. Вопросы агрессии и насилия остаются в числе наиболее обсуждаемых и исследуемых тем, они являются предметом изучения различных отраслей науки, в разных областях знания. Но какой бы наукой не исследовались эти явления, будь то философия, политология, антропология, социология, психология и т.д., ведущей предпосылкой их изучения остается стремление понять причины, природу возникновения агрессии и насилия, и поиск возможностей их предотвращения.

Предпринимаются порой и вполне успешные усилия, чтобы продемонстрировать достижения цивилизованного человечества на пути снижения уровня агрессии и насилия. Так, например, в основательной работе гарвардского исследователя Стивена Пинкера, которая стала бестселлером после публикации в 2011 г. под заголовком «Лучшее в нашей природе» [Pinker 2011], приводятся статистически подтвержденные доводы в пользу снижения уровня насилия в современном человеческом обществе по сравнению с предыдущими историческими периодами. Но, наверное, у большинства читателей это утверждение вызывает противоречивые чувства, поскольку, принимая во внимание происходящее в современном мире, мы не чувствуем себя в безопасности настолько, чтобы согласиться с автором. Войны (возможно, и не «масштабные») возникают и продолжаются год за годом, а проявления насилия на разных уровнях и в разных контекстах дают о себе знать

столь же часто, как и раньше, и, более того, приобретают новые формы. И, даже если в абсолютном и относительном выражении насилия действительно стало меньше, это вовсе не означает, что мир стал безопаснее, тем более что в XXI в. человечество, которое всерьез замахивается на открытие методов лечения ранее неизлечимых болезней и способов сделать человека бессмертным, не может (и не должно) использовать человеческие жизни как единицы измерения агрессии и насилия. Каждая человеческая жизнь, утраченная или «изуродованная» в результате насилия, должна восприниматься как утрата целого мира — и большой провал цивилизации на экзамене по определению уровня ее цивилизованности.

Возвращаясь к книге Пинкера, интересно отметить, что она вышла в свет примерно за год до страшных событий в Осло и множества других подобных преступлений, которые были совершены либо одним человеком, либо группой людей (и нередко молодых, а то и вовсе юных). Напрашивается вопрос, как все происходящее соотносится со статистикой снижения насилия и агрессии в обществе? Насколько эта оптимистическая статистика поможет жертвам насилия, их родственникам и близким преодолеть боль, травму, горечь утраты? Будет ли сделано что-то, чтобы понять глубинные причины случившегося, и не допустить подобного впредь?

Так или иначе, даже если сегодня статистически можно доказать, что насилия в нашем обществе меньше, чем, к примеру, 100 лет назад, очевидно, что это общество не стало менее агрессивным, и постоянно воспроизводит новые поводы для агрессии и новые формы проявления насилия. Да, возможно, ниже стал уровень проявления открытого физического насилия в повседневной жизни, и этот факт «украшает» статистику. Но развитие общества создает предпосылки для возникновения новых форм насилия, не всегда проявленных и осознаваемых как насилие, но становящихся факторами, провоцирующими агрессию.

И здесь надо особо отметить, что в общественных науках, науках о поведении до сих пор понятия «агрессия» и «насилие» нередко используются как синонимы. Но, по мнению Э. Фромма, понятие «агрессия» напоминает коллекцию хлама, куда мы сваливаем многие психологические механизмы, которые не умеем анализировать, или даже не знаем, как их точно назвать [Фромм 2014]. Со второй половины XX столетия такое положение перестало удовлетворять ученых, и исследованиям агрессии и насилия начало уделяться большое внимание.

К началу третьего тысячелетия (на основе большого объема знаний о внутриличностных и внешних факторах, повышающих вероятность проявления агрессии, а также благодаря более детальному пониманию процессов, происходящих в мозге и сознании в момент проявления агрессии) К. Андерсоном и Б. Бушманом была создана общая теория агрессии — General Aggression Model. По мнению ее разработчиков, GAM является новейшей и наиболее широкой (всеохватной) теорией агрессии на сегодняшний день [Anderson, Bushman 2002]. Это биосоциально-когнитивная модель, объединяющая не только рассматривавшиеся ранее со-

2 Имеется в виду дело Брейвика. — *Ред.*

циальной психологией ведущие модели агрессии, но и интегрирующая знания из других дисциплин.

Вместе с этим, гораздо меньше нам известно о взаимодействии между собой риск-факторов агрессии и насилия, равно как об их взаимодействии с защитными факторами. Достаточно много известно о возможностях предотвращения насилия в обществе [Warburton, Anderson 2015], однако эти знания, на наш взгляд, не применяются должным образом в общественных отношениях, что в определенной мере свидетельствует о несформированности единого подхода к проблеме. Ведь одним из основных побудительных мотивов изучения агрессии и насилия является поиск путей их преодоления и предотвращения. И в этой работе очень важно, чтобы комплексный системный исследовательский подход содействовал интеграции наилучших практик в повседневную деятельность. Это станет возможным при взгляде на проблему с позиции целостности восприятия, отстранения от узковедомственных интересов в пользу системной мета-цели, при мультидисциплинарном подходе к исследованию проблемы.

Здесь, наверное, уместно применить взгляд, предложенный в исследовании развития сообществ М.П. Фоллетт, внесшей огромный вклад в социальную психологию: «Я думаю, следует избавиться от узкой специализации нашего мышления в отношении каждой встающей перед нами проблемы. Я не считаю, что мы имеем чисто психологические, этические или экономические проблемы. Мы имеем общечеловеческие проблемы с психологическими, этическими и экономическими аспектами, а также с любыми другими, какие вы сможете увидеть» [Dynamic Administration, 1942]. В этом взгляде на проблему есть очень важные моменты, которые часто игнорируются, а возможно, и не осознаются, что влияет на качество ее решения. Это попытка обретения целостного взгляда, комплексного восприятия проблемы и пытливого, исследовательского подхода (подвергающего сомнению даже само предположение, что взгляд этот всеобъемлющий). Ведь, действительно, мы не можем располагать всей полнотой знаний о явлении, его различных гранях, аспектах. Но использование многостороннего, мультидисциплинарного подхода для исследования агрессии и насилия представляется единственно возможным способом достижения хотя бы небольших успехов в вопросе изучения этих явлений.

Изучение агрессии и насилия, их природы и истоков, как явлений неотъемлемых от жизни человека и существования общества – является предметом философских рассуждений и изысканий. По мнению современного философа Славоя Жижека: «...Мы привыкли сегодня связывать насилие с преступлениями и терактами, не говоря уже о масштабных войнах. Нам нужно научиться отстраняться, освобождаться от чар этого непосредственно зримого “субъективного” насилия, насилия, совершаемого какой-либо четко опознаваемой силой. Нужно понять, что ведет к появлению подобных вспышек насилия. Отстранение позволяет нам распознать насилие, которое лежит в основе самих наших попыток борьбы с насилием и содействия толерантности... Субъективное насилие — это лишь наиболее зримая вершина треугольника, который включает также два других вида на-

силы. Есть “символическое” насилие, воплощенное в языке и формах, в том, что Хайдеггер назвал бы “нашим домом бытия”. ...Это насилие работает не только в очевидных — и широко изученных — случаях речи-ненависти и отношений социального господства, воспроизводимых в наших привычных речевых формах: есть еще более фундаментальная форма насилия, которая принадлежит языку как таковому, насаждаемой им определенной смысловой вселенной. Помимо него существует еще и то, что я называю “системным насилием”, под которым понимаются нередко катастрофические последствия спокойной работы наших экономических и политических систем.

Суть в том, что субъективное и объективное насилие невозможно различить с одной точки зрения: субъективное насилие воспринимается в качестве такового лишь на фоне ненасильственного нулевого уровня. Оно кажется нарушением “нормального”, мирного положения вещей. Но объективное насилие как раз и является собой насилие, присущее этому “нормальному” положению вещей. Объективное насилие невидимо, поскольку оно поддерживает тот самый стандарт нулевого уровня, благодаря которому мы воспринимаем нечто как субъективное насилие. Таким образом, системное насилие представляет собой некое подобие пресловутой «темной материи» в физике, дополнение слишком зримого субъективного насилия. Оно может быть невидимым, но оно необходимо для объяснения того, что в противном случае кажется “иррациональной” вспышкой субъективного насилия» [Жижек 2010].

Йохан Галтунг, посвятивший себя изучению насилия как явления, препятствующего миру, так определяет насилие: «Насилие — это когда человек испытывает влияние/воздействие, приводящее к тому, что его соматическая и ментальная реализация ниже, чем его действительный потенциал» [Galtung 1969]. Он выделяет персональное/прямое и структурное насилие, а впоследствии приходит к концепции «культурного насилия». Галтунг определяет «культурное насилие» как «аспекты культуры, символической сферы нашего бытия — проявляющейся в религии, идеологии, языке и искусстве, эмпирической науке и формальной науке (логика, математика), которые можно применить для обоснования справедливости или легитимизации прямого или структурного насилия» [Galtung 1990]. Для продвижения к пониманию истоков насилия необходимо признать, что насилие, о котором традиционно говорят на обывательском уровне, и которое, соответственно, по С. Жижеку и Й. Галтунгу можно отнести к субъективному и прямому насилию, это — лишь верхушка айсберга.

Не пытаясь увидеть подводную его часть, мы не можем претендовать на знание о том, почему современный мир полнится агрессией и насилием. Именно к этой подводной части, которую Славой Жижек относит к объективному насилию, можно отнести и институциональное насилие, претерпеваемое каждым живущим в социуме. Институциональное насилие неизбежно, т.к. без институтов, правил, рамок общество не может существовать. Другое дело, что в нынешнее время социальные условия очень быстро меняются, появляются новые факторы, усложняющие и искажающие работу традиционных институтов. И тогда несовершенство

институтов приобретает нередко форму субъективного насилия, провоцирующего агрессивное поведение, что является сигналом о необходимости перемен. По определению Д. Норта, институты — это «правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми [Норт 1997].

Одним из важных институтов современного глобального мира является толерантность. Ведь глобальный мир — это мир многоликий, мир различий, что неотвратно ведет к разногласиям, конфликтам, столкновениям, агрессии, насилию. Отсутствие толерантности представляет опасность для современного общества. Вместе с этим, толерантность, отождествляемая с терпимостью, нередко воспринимается как зло. Конрад Лоренц в своих работах (в частности, в «Агрессия (так называемое зло)») высказывает мнение, что толерантность убийственна для общества: «...Когда начинается массовый завоз мигрантов, наделение их правами и статусами, отношение к ним как к своим — включаются все механизмы внутривидовой агрессии по отношению к ним. Причем, чем больше эта агрессия подавляется государством и толераторами, тем больше она накапливается...Пропаганда толерантности — самый надежный путь довести ситуацию до взрыва» [Лоренц 2008]. Толерантность нередко насаждается, в то время как развитие толерантности предполагает огромную кропотливую работу на всех уровнях социума. «Толерантность означает уважение, принятие и понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений» [Декларация 1995]. Достижение толерантности через принятие и понимание не может происходить путем ее насаждения. А насаждение терпимости к другому и чуждому может восприниматься как насилие, вести к агрессии и насилию.

М.П. Фоллетт считала, что страх различий является неотъемлемой частью жизни как таковой. Основываясь на этом, Фоллетт предложила воспринимать конфликт, который неизбежно возникает при столкновении различий (и с различиями) не как бесполезное, наносящее ущерб столкновение несовместимого, непримиримого, несопоставимого, а как обычный (нормальный) процесс, с помощью которого социально значимые различия проявляются (дают о себе знать) на благо (в пользу) всех заинтересованных сторон. Воспринимая конфликт, агрессию сквозь призму требующих внимания социальных противоречий, мы можем нащупать подход к их выявлению и разрешению. Одним из главных инструментов для выявления причин насилия является чуткий, взаимоуважительный, многосторонний диалог, посредством которого не только урегулируются разногласия и конфликты, но и выявляются глубинные мотивы возможной агрессии и насилия, их системные причины, что в свою очередь будет способствовать снижению уровня структурного, институционального насилия, совершенствованию институтов и снижению риска проявлений прямого насилия.

В начале XX в. М.П. Фоллетт говорила о необходимости конструктивного взгляда на разнообразие мира; сегодня же без должного уважения к факту многоликости

мира, без умения жить, постоянно интегрируя это многообразие в общественные отношения, мы делаем риск насилия и его последствий во много раз выше. В толерантности как современном социальном инструменте и институте ключевыми факторами являются именно уважение, принятие и понимание. Но для развития культуры уважения и принятия необходимо умение прислушиваться, слушать, слышать другого, необходимо стремление понять.

В нашей работе по институционализации медиации, ее интеграции в общественные отношения главной целью мы видим максимальное использование основополагающих принципов современной медиации в совершенствовании институтов. Медиативный подход позволяет решить эту задачу при условии неформального отношения к его имплементации в различные области человеческой деятельности [Шамликашвили 2017].

В феврале 2018 г. вышла новая книга С. Пинкера *Enlightment Now* («Просвещение сегодня»), в которой автор исследует возможности развития в обществе гуманистической культуры на основе просвещения [Pinker 2018]. Согласно его взглядам, эмпатия, взаимное уважение, узнавание, принятие на основе знания, понимания, менталитет сотрудничества являются залогом безопасности и устойчивого развития общества. Стараясь обеспечить такое развитие и пытаюсь понять причины проявлений агрессии и насилия в детской и подростковой среде, мы должны обратить внимание на феномен институционального насилия и исследовать его как один из важнейших факторов, влияющих на безопасность среды в целом.

Проведенные в последнее время опросы показывают, что запрос на совершенствование институтов в системе защиты прав и благополучия ребенка уже осознается самими участниками системы, и этот факт позволяет надеяться, что изменения будут происходить как «сверху», так и «снизу», минуя институциональные ловушки. Но ключевыми аспектами в этой работе будет прояснение и согласование содержания и смыслов, определение мета-цели системы, а затем — выработка плана мероприятий, инструментов и механизмов его воплощения в жизнь. Для решения этих задач нужен медиативный подход, позволяющий создать единое семантическое и семиотическое поле для всех участников и заинтересованных сторон.

Литература

Декларация 1995 — Декларация принципов терпимости. Принята резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml.

Жижек 2010 — *Жижек С.* О насилии. М.: Европа, 2010. — 183 с.

Лоренц 2008 — *Лоренц К.* Агрессия, или Так называемое зло. М.: Культурная революция, 2008. — 616 с.

Норт 1997 — *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 180 с.

Фромм 2014 — *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности / пер. Э.М. Телятниковой. М.: АСТ, 2014. — 335 с.

Шамликашвили — *Шамликашвили Ц.А.* Медитативный подход и его возможности в развитии человеческого капитала и совершенствовании общественных отношений // Вестник Федерального института медиации. 2017. № 3. — С. 10-25.

Anderson, Bushman 2002 — *Anderson C.A., Bushman B.J.* Human Agression // Annual Review of Psychology. 2002. No. 53. — P. 27-51.

Dynamic Administration 1942 — *Dynamic Administration; The Collected Papers of Mary Parker Follett.* Ed. by Metcalf H.C. and Urwick L. New York: Harper and Brothers. 1942. — 320 p.

Galtung 1969 — *Galtung J.* Violence, Peace, and Peace Research // Journal of Peace Research. 1969. Vol. 6. No. 3. — P. 167-191.

Galtung 1990 — *Galtung J.* Cultural Violence // Journal of Peace Research. 1990. Vol. 27. No. 3. — P. 291-305.

Pinker 2018 — *Pinker S.* Enlightenment Now: The Case for Reason, Science, Humanism, and Progress. New York: Viking, 2018. — 556 p.

Pinker 2011 — *Pinker S.* The Better Angels of our Nature. New York: Viking, 2011. — 801 p.

Warburton, Anderson 2015 — *Warburton W.A., Anderson C.A.* Social Psychology of Aggression // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. 2nd Ed. 2015. Vol. 1. P. 373-380. — Доступно по адресу: [http://dx.doi.org/10.1016/B978-0.08-097086-8.24002-6](http://dx.doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.24002-6).

References

Deklaraciya 1995 — Deklaraciya principov terpimosti. Prinyata rezolyuciej 5.61 General'noj konferencii YUNESKO ot 16 noyabrya 1995 goda. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml.

Žižek 2010 — *Žižek S.* O nasilii. М.: Европа, 2010. — 183 p.

Lorenc 2008 — *Lorenc K.* Agressiya, ili Tak nazyvaemoe zlo. М.: Kul'turnaya revolyuciya, 2008. — 616 p.

Nort 1997 — *Nort D.* Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ehkonomiki. М.: Fond ehkonomicheskoy knigi «Nachala», 1997. — 180 p.

Fromm 2014 — *Fromm E.H.* Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti / per. E.H.M. Telyatnikovoj. М.: АСТ, 2014. — 335 p.

Shamlikashvili — *Shamlikashvili Ts.A.* Meditativnyj podhod i ego vozmozhnosti v razvitii chelovecheskogo kapitala i sovershenstvovanii obshchestvennyh otnoshenij // Vestnik Federal'nogo instituta mediacii. 2017. No. 3. — P. 10-25.

Anderson, Bushman 2002 — *Anderson C.A., Bushman B.J.* Human Agression // Annual Review of Psychology. 2002. No. 53. — P. 27-51.

Dynamic Administration 1942 — *Dynamic Administration; The Collected Papers of Mary Parker Follett.* Ed. by H.C. Metcalf and L. Urwick. New York: Harper and Brothers, 1942. — 320 p.

Galtung 1969 — *Galtung J.* Violence, Peace, and Peace Research // Journal of Peace Research. 1969. Vol. 6. No. 3. — P. 167-191.

Galtung 1990 — *Galtung J.* Cultural Violence // Journal of Peace Research. 1990. Vol. 27. No. 3. — P. 291-305.

Pinker 2018 — *Pinker S.* Enlightenment Now: The Case for Reason, Science, Humanism, and Progress . New York: Viking, 2018. —556 p.

Pinker 2011 — *Pinker S.* The Better Angels of our Nature. New York: Viking, 2011. —801 p.

Warburton, Anderson 2015 — *Warburton W.A., Anderson C.A.* Social Psychology of Aggression // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. 2nd Ed. 2015. Vol. 1. P. 373-380. — Dostupno po adresu: <http://dx.doi.org/10.1016/B978-0.08-097086-8.24002-6>.